

Опубликовано 11 сентября, 2018 - 11:51

Хорошим и очень наглядным примером того, как российские компании приспосабливаются к санкционному давлению, является газовый гигант «Новатэк». У попадания компании Леонида Михельсона в санкционный список куда больше экономических причин нежели политических, но это не помешало «Новатэку» запустить свой главный проект «Ямал СПГ»

Нельзя сказать, что санкции, наложенные на российский нефтегазовый сектор в 2014 году, стали для него столь уж новым испытанием. Российская нефтянка уже была объектом санкций в прошлом. В 70-х годах прошлого столетия США ограничивали доступ советского нефтегазового сектора к передовым технологиям в надежде помешать сделке «газ-трубы». Но тогда санкции имели узконаправленный характер, и европейским партнерам удалось значительно уменьшить их эффект, а со временем — почти полностью отменить. С подачи президента Рональда Рейгана США также вводили санкции за строительство газопровода Помары-Ужгород в 1981 году. Впрочем, формальным поводом послужило введение чрезвычайного положения в Польше. Новые санкции затронули электронный и нефтегазовый сектор: американским компаниям было запрещено поставлять в СССР соответствующее оборудование и технологии. Чуть позже было сделано исключение для ряда договоров, заключенных до введения санкций.

Но санкции оказались малоэффективными вследствие большой степени самодостаточности народного хозяйства СССР, успешной работы различных внешнеторговых фирм по приобретению необходимых технологий и техники через третьи страны и собственным научным разработкам. В итоге США и другие западные производители вместо того, чтобы получить реальные деньги за свои изобретения и технологии, столкнулись с нелегальным копированием и теневым совершенствованием передовых решений и устройств. Более того, введенные санкции привели к развитию промышленного шпионажа со стороны СССР и его союзников.

Секторальные санкции, введенных против российского нефтегазового сектора в 2014-2017 годах, в основном направлены на «медленное удушение» российской нефтегазовой промышленности. Так во всяком случае говорится в недавнем докладе Центра исследований в области энергетики Сколково. Признавая, что в краткосрочной перспективе российские нефтегазовые компании полностью адаптировались к санкционному режиму США и до 2020 года сохраняют потенциал роста добычи за счет подготовленных месторождений, авторы утверждают, что в долгосрочной перспективе (после 2025 года) поддержка уровня добычи нефти и газа становится по крайней мере проблематичной. Авторы также считают, что наиболее критичным фактором, сдерживающим рост добычи, является запрет на передачу технологий гидроразрыва пласта («ГРП»), а также ограничения возможностей привлечения внешнего финансирования геологоразведки и цикла ввода месторождений в эксплуатацию.

Есть ряд фундаментальных факторов, ставящих под сомнение эти выводы. Во-первых, американские технологии ГРП не могут быть механически воспроизведены для добычи сланцевых углеводородов в России вследствие разницы в геологическом строении нефтеносных пластов. Во-вторых, технология ГРП отнюдь не нова, широко применялась для самых разных целей в СССР (от погашения пожаров на месторождениях до извлечения газа),

который, к тому же, был первой страной, наладившей промышленную добычу сланцевых углеводородов. Эта добыча была прекращена в Эстонии в 1980 году по соображениям экологической безопасности. И в-третьих, в этом году уже начата экспериментальная добыча сланцевых углеводородов Баженовской свиты с использованием технологий ГРП отечественной разработки. Уже в 2025 году планируется начало коммерческой добычи.

Да и в целом, односторонние санкции являются малоэффективными. В начале 1990-х годов Институт Петерсона опубликовал фундаментальное исследование по практике применения односторонних санкций. Его основной вывод — индивидуальные санкции достигают своих целей приблизительно в 13% случаев и чем дольше они остаются в силе, тем они менее эффективны.

Хорошим и очень наглядным примером того, как компании приспосабливаются к санкционному давлению является газовый гигант «Новатэк».

Как Михельсон создавал «Новатэк»

Само включение «Новатэка» в санкционный список США (в 2014 году санкции были наложены на саму компанию, в 2016-ом — на несколько ее «дочек») требует некоторого пояснения. Считается, что «Новатэк» и его основной акционер Леонид Михельсон попали под санкции (персональные санкции на Михельсона не наложены — в отличие от второго акционера «Новатэка» Геннадия Тимченко. — Forbes) благодаря подозрениям американских спецслужб о близости к руководству страны и лично Владимиру Путину. Но ни история создания компании, ни предпринимательская деятельность Михельсона не наводит на такие выводы любого непредвзятого наблюдателя.

Леонид Михельсон не родился в Ленинграде, не был членом кооператива «Озеро», не «служил, не участвовал, не состоял» ни в каких громких бизнес процессах 1990-х и начала нулевых. «Новатэк» вырос из строительной группы «Нова», и в отличие от «Итеры» Игоря Макарова не имел отношений с «Газпромом» и не увеличивал свою ресурсную базу за счет щедрости команды Рема Вяхирева. Имя Михельсона не мелькало ни в деловой, ни в светской прессе до IPO «Новатэка» в 2005 году, и было известно в основном газовикам и руководству Ямало-Ненецкого региона. «Новатэк», в отличие от, например, «Сургутнефтегаза», не имел особых отношений с какими-нибудь трейдерами, продавал добываемые углеводороды на внутреннем рынке и не привлекал внимания иностранных инвесторов. Попытка французской Total приобрести 25% компании в 2004 году была заблокирована — по крайней мере формально — ФАС, что было расценено бизнес сообществом как признак отсутствия у Леонида Михельсона необходимого уровня связей и влияния на федеральном уровне. В отличие от большинства российских нефтегазовых компаний, «Новатэк» долгое время не пытался купить активы вне России, да и в ее пределах ограничивался деятельностью в Ямало-Ненецком автономном округе.

«Новатэку» еще и удалось избежать судьбы более «гламурной» «Итеры», которой, при смене управленческой команды в «Газпроме», пришлось расстаться не только с большей частью своих добывающих активов, но и чрезвычайно прибыльной ролью посредника в российско-украинских газовых отношениях. И пока департамент имущественных отношений «Газпрома» собирал разбросанные в 90-е годы активы, выяснял отношения с Евросоюзом и воевал с «Нафтогазом», «Новатэк» активно приобретал новые лицензии, строил инфраструктуру по очистке и транспортировке газа, исправно платил налоги, и занимался консолидацией активов. Ничто в это время не могло навести на мысль об особой приближенности компании и Михельсона к власти имущим.

Первым сигналом о меняющемся весе «Новатэка» и уровне влияния Михельсона стала достаточно запутанная история с приобретением компанией контрольного пакета «Ямал СПГ» в 2009 году. У этой покупки, конечно, была очевидная выгода в виде практического удвоения ресурсной базы с 4,9 млрд в 2008 году до более 8 млрд баррелей нефтяного эквивалента в 2010-ом. Но покупка газового месторождения без экономически целесообразного подключения к газотранспортной системе, да еще практически по максимальной оценке имела смысл только если у «Новатэка» было понимание перспектив развития сегмента СПГ.

До сланцевой революции в США в 2011-2012 годах технология сжижения газа использовалась для транспортировки в основном катарского газа в ЕС и Азию. Газпромowski «Сахалин-2» был в то время единственным российским СПГ-проектом и также был ориентирован на Тихоокеанско-Азиатский рынок. И никаких очевидных признаков того, что сегмент СПГ станет не только наиболее быстрорастущей частью газового сектора, но и будет оказывать значительное влияние на ценообразование, не было.

Умение Леонида Михельсона выбирать правильных партнеров, собирать талантливую команду и работать на перспективу сыграли решающую роль в истории приобретения «Ямал СПГ». Деловая мудрость Михельсона проявилась еще и в том, что приобретение этого актива вывело компанию на федеральный уровень, а появление солидного партнера в лице Тимченко помогло укрепить позиции «Новатэка» и позволило обеспечить экономическую целесообразность проекта за счет получения очень серьезных налоговых льгот. Укреплению деловых позиций и репутации Михельсона также способствовало его умение решать многочисленные проблемы, возникшие в ходе реализации «Ямал СПГ» в непростых условиях начала 2010-х годов. Что особенно выгодно смотрелось на фоне неповоротливости и забюрократизированности «Газпрома».

Тем не менее никаких очевидных поводов для включения в санкционный список «Новатэк» не давал. Одно место в совете директоров и пакет акций гораздо менее блокирующего ни по российскому, ни по американскому законодательству не делают компанию дочерним предприятием. Соответственно «Новатэк» с юридической точки зрения никак нельзя считать компанией, подконтрольной Геннадию Тимченко, которому принадлежит в ней 23%. Так что утверждения американского Управления по контролю за иностранными активами (OFAC) о подконтрольности «Новатэка» Тимченко, по всей вероятности, базируются на ничем не основанных слухах. Более того, «Новатэк», чьи акции торгуются на Лондонской фондовой бирже, обязан соблюдать минимальные требования к корпоративному управлению, заключающиеся в обеспечении коллегиальности, прозрачности и независимости деятельности совета директоров. Во всей отчетности именно Леонид Михельсон указан как контролирующий акционер компании, к тому же возглавляющий ее правление.

Демократия против конкуренции

Так что же сподвигло США на введение санкций против «Новатэка»? Ответ в принципе лежит на поверхности — это проекты «Ямал СПГ» и «Арктик СПГ-2», реализация которых создаст возможность экспортировать до 35,7 млн тонн СПГ в год в Азию и в Европу по Северному морскому пути и создать конкуренцию американскому СПГ. Кроме этого, по всей вероятности, свою роль сыграли и американские партнеры Игоря Макарова по «Итере», практически вытесненные с российского газового рынка. Очевидно, что и особый налоговый режим этих проектов не мог не привлечь внимания поборников мировой демократии из OFAC. Видимо, перепутав защиту демократии с честной конкуренцией, они решили задушить в зародыше конкурента американским разработчикам более дорогих по себестоимости сланцевых месторождений газа.

Удивительно, но приобретение «Новатэком» регазификационного проекта в Польше в 2016 году не вызвало в польской прессе истерии, обычно возникающей при проявлении интереса российских компаний к любым проектам в этой стране. Еще более удивительно то, что «Новатэку» позволили купить этот проект не только в условиях санкционного давления и ограничений, но и в условиях, мягко говоря, недружественного настроения польских СМИ и гражданского общества по отношению к российскому бизнесу. Польские бизнесмены, знакомые с ходом переговоров, охарактеризовали относительно спокойное отношение польских СМИ к этому приобретению как личное достижение Леонида Михельсона.

«Новатэк», как и все российские нефтегазовые компании, работает под секторальными санкциями уже четвертый год. За это время они существенно сократили зависимость от западного финансирования, сумев привлечь для «Ямал СПГ» финансирование от китайских и японских банков — вдобавок к деньгам, предоставленным консорциумом российских банков. Китайские компании также обеспечили проект буровым оборудованием, а часть финансирования и работ была произведена Total, купившей значительную долю в проекте. А проект «Арктик СПГ-2» заинтересовал не только французов, но и саудовскую Aramco, корейский KOGAS, японские Marubeni и Mitsui, китайскую CNPC, а также немецкую Linde. Мобилизация столь разношерстных партнеров с очень разными интересами и способность сфокусировать их на реализации проекта ставится всеми контрагентами и партнерами «Новатэка» в заслугу лично Леониду Михельсону.

К концу 2017 года «Новатэк» не только сумел увеличить свою ресурсную базу, вернуться в один из индексов Лондонской биржи, запустить проект «Арктик СПГ-2», но и по иронии судьбы продать свой первый груз СПГ с Ямала, закрыв потребность в газе в «озябшем» Бостоне (по выражению лондонской Times).

Судя по опыту «Новатэка», «адский законопроект» о жестких санкциях против России, представленный сенаторами США ранее в августе, вряд ли окажет значительное влияние на российскую нефтегазовую отрасль. В нем содержатся предложения по широкомасштабным санкциям, в том числе на товары, услуги, технологии, финансирование и любую помощь, необходимую для обеспечения возможности России добывать сырую нефть и газ.

С 2014 года, как показывает пример «Новатэка», нефтегазовая отрасль сумела переключиться на использование технологий и оборудования собственной разработки и заменила партнеров на компании, готовые работать в России несмотря на санкционные риски. Поэтому, даже если предлагаемые санкции станут законом, их влияние на российский нефтегазовый сектор будет ограниченным. Это является одной из причин того, что российские акции не пострадали от новостей о намерениях сенаторов США ввести более жесткие санкции в отношении Москвы. В Reuters подсчитали, что с момента внесения законопроекта российский рубль потерял 10% стоимости, а акции банков упали на 20%. Однако акции нефтяных компаний выросли на 2%, а по сравнению с предыдущим годом — на 27%. За последние два месяца акции «Новатэка» достаточно стабильно росли в цене, за исключением небольших снижений. Если говорить о цифрах, то цена акций за это время выросла примерно на 27%.

Последние полтора десятилетия наблюдений за «Новатэком» позволяют сделать вывод, что ее выживание и успех в непростых условиях последних лет во многом объясняется личностью самого Леонида Михельсона, которому (в отличие от некоторых собратьев по цеху) еще интересно создавать и строить. Вполне вероятно, что неудачная смена Михельсона (а все российские нефтяники первой постсоветской волны уже далеко не юноши) у руля «Новатэка» может создать гораздо больше проблем для компании, чем санкции США, как бы это парадоксально не звучало.

Автор

Андрей Ляхов

Автор фотографии

kommersant_ru

Источник

<http://www.forbes.ru/milliardery/366225-mihelson-i-sankcii-chem-novatek-razdrazhaet-soedinennye-shtaty>

Source URL:

<http://vspro.info/article/mikhelson-i-sankcii-chem-novatek-razdrazhaet-soedinennye-shtaty>